

ИТОГИ ВОЙНЫ

Ход войны в 1943-1945 годах воссоздан в обширной литературе о ней гораздо более ясно и правдиво: победы под Курском, в Белоруссии (летом 1944 года) и т.д. незачем было "лакировать" (они и так великолепны) в "доперестроечные" времена, и затруднительно "очернять" в конце 1980-1990-х годах.

Вместе с тем существует наиболее тяжкая, мучительная проблема, на основе которой (сначала в так называемых "самиздате" и "тамиздате", а с конца 1980-х и в общедоступной литературе) осуждают и попросту проклиняют "методы" войны в целом - как в период наших поражений, так и в период побед. Речь идет о проблеме *человеческих потерь* 1941-1945 годов. Ныне "демократические" СМИ постоянно внушают, что "*цена победы*" была непомерной, и потому это как бы даже и не победа...

Потери в самом деле были громадные, но суть нынешней пропаганды заключается в том, что "вину" за них возлагают не столько на врагов, сколько на "своих", - прежде всего, разумеется, на Сталина.

Опубликован, например, документ от 27 мая 1942 года - директива Сталина руководству Юго-Западного фронта (командующий - С.К. Тимошенко, член Военного совета - Н.С. Хрущев, начальник штаба - И.Х. Баграмян), начавшего с 12 мая Харьковское сражение, в ходе которого были чрезмерные потери. "Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? - писал Главнокомандующий. - Воевать надо не числом, а умением".

Однако в глазах многих людей этот сталинский выговор Тимошенко и другим предстанет, без сомнения, как

лицемерный (хотя дело ведь идет не о показном публичном требовании сократить человеческие потери, а о предназначенном для трех адресатов секретном документе).

Знакомясь с иными нынешними сочинениями о войне читатели волеяневолей должны прийти к выводу, что Сталин, да и тогдашний режим в целом, чуть ли не целенаправленно стремились уложить на полях боев как можно больше своих солдат и офицеров, патологически пренебрегая тем самым и своими собственными интересами (ибо чем слабее становится армия, тем опаснее для режима)...

И поскольку главная цель многих сочинений, затрагивающих вопрос о потерях нашей армии, заключалась, в сущности, не в исследовании реальных фактов, а в обличении Сталина и режима в целом, предлагались абсолютно фантастические цифры, - вплоть до 44 миллионов (!) погибших военнослужащих...

Полнейшая абсурдность этой цифры совершенно очевидна. В начале 1941 года население СССР составляло, как выяснено в последнее время посредством тщательнейших и всецело достоверных подсчетов, 195,3 млн. человек, а в начале 1946-го людей *старше 5 лет* в стране имелось всего лишь 157,2 млн.;¹ таким образом "исчезли" 38,1 млн. человек из имевшихся в начале 1941-го. Утрата, конечно же, огромна - 19,5% - почти каждый пятый! - из населения 1941 года.² Но в то же время очевидна нелепость утверждения, что в 1941-1945-м погибли-де 44 млн. одних только *военнослужащих* - то есть на 6 млн. (!) больше, чем было утрачено за эти годы людей вообще, включая детей, женщин и стариков.

Однако дело не только в этом. Даже и 38,1 млн. "исчезнувших" людей нельзя отнести целиком к жерт-

Кожин Вадим Валерианович - кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Российской Академии Наук.

вам войны, ибо ведь и в 1941-1945 гг. люди продолжали уходить из жизни в силу "естественной" смертности, которая уносила в то время минимум (именно минимум) 1,3%³ наличного населения за год (не считая младенческой смертности), то есть за пять лет - 6,5% - что от 195,4 млн. составляет 12,7 млн. человек (повторю: по меньшей мере столько).

Кроме того, не так давно были опубликованы сведения о весьма значительной эмиграции из западных областей СССР после 1941 года - эмиграции поляков (2,5 млн.), немцев (1,75 млн.), прибалтов (0,25 млн.) и людей других национальностей; в целом эмигранты составляли примерно 5,5 млн. человек.

Таким образом, при установлении количества людей, в самом деле погубленных войной, следует исключить из цифры 38,1 млн. те 18,2 млн. (12,7+5,5) человек, которые либо умерли своей смертью,⁴ либо эмигрировали. И, значит, действительные жертвы войны - 19,9 млн. человек, не считая, правда, смерти детей, родившихся в годы войны.

Это вроде бы противоречит результату наиболее авторитетного исследования, осуществленного в 1990-х годах сотрудниками Госкомстата, - 25,3 млн. человек. Но в этом исследовании специально оговорено, что имеется в виду "общее число умерших (не считая естественной смертности. - В.К.) или оказавшихся за пределами страны", а, как отмечалось выше, за пределами страны оказалось 5,5 млн. эмигрантов. 19,9+5,5 - это 25,4 млн. человек, что почти совпадает с подсчетами Госкомстата.

Стоит сообщить, что принципиальное согласие с подсчетами Госкомстата высказал уже упоминавшийся наиболее квалифицированный эмигрантский демограф С. Максудов (А.П. Бабенышев), с начала 1970-х годов работающий в Гарвардском университете (США).

И в связи с этой цифрой - 19,9 млн. - особенно дикое впечатление остав-

ляет и приведенная выше цифра 44 млн., имеющая в виду только погибших в 1941-1945 годах военнотружеников, да и значительно уменьшенная цифра - 31 млн. погибших "красноармейцев", объявленная позднее, в 1995 году, тем же автором.

Что же касается гибели военнотружеников, то произведенное в конце 1980-1990-х годах скрупулезное исследование всей массы документов воинского учета 1941-1945 годов показало, что потери армии составляли 8,6 млн. человек. К примерно такой же цифре пришел ранее С. Максудов, причем, особенно существенно, что он исходил не из недоступной ему, эмигранту, воинской документации, а из демографических показателей. И, ознакомившись с опубликованными в 1993 году итогами анализа документов, он выразил удовлетворение и даже "удивление" тем, насколько "потери в военкоматском учете... близки к их демографической оценке" (указ. соч., с.119). Таким образом, два исследования, исходящие из разных "показателей", дали, в общем, единый результат, что делает этот результат предельно убедительным.

Нельзя не отметить еще и следующее. С. Максудов в качестве профессионального демографа "упрекнул" исследователей армейских документов в игнорировании естественной смертности, обоснованно утверждая, что собственно боевые потери на самом деле были меньше 8,6 млн., так как часть военнотружеников (напомню, что в армию призывались и не очень молодые люди - до 50 лет) умерла в силу естественной смертности, и гибель от рук врага постигла, по расчетам С. Максудова, 7,8 млн. военнотружеников.

Широко распространено представление, что наибольшие боевые потери пришлись на самую молодую часть призванных в армию людей, - тех, кому было в 1941 году 18 или не намного больше лет. И это, безусловно, вполне основательное представление, ибо не имевшие существенного жиз-

ненного - не говоря, уже об армейском - опыта юноши погибали, конечно, в первую очередь; в этом возрасте к тому же нередко еще слабо развито чувство *самосохранения*.

Но боевые потери этого поколения все же крайне резко преувеличивают. Так, в печати многократно утверждалось, что войны 1921-1923 годов рождения погибли *почти все*; например, один известный ученый, членкор АН, писал не так давно: "Из прошедших фронт людей этого возраста вернулись живыми только 3 процента", то есть 97 (!) процентов погибли...

Между тем есть вполне надежные сведения, что из 8,5 млн. мужчин 1919-1923 гг. рождения, имевшихся в 1941 году, к 1949 году "уцелели" 5 млн. Выходит, таким образом, что почти *две трети мужчин* этого поколения вообще *не воевали* (что крайне неправдоподобно), ибо, как утверждает, только один из тридцати трех фронтовиков этого возраста "вернулся живым".

Нельзя не сказать и о том, что из "исчезнувших" мужчин указанного возраста далеко не всех можно считать погибшими на фронте. Дело в том, что из 8,8 млн. женщин тех же 1919-1923 гг. рождения к 1949 году осталось 7,6 млн., и, значит, 1,2 млн. из них погибли, то есть только в три раза меньше чем мужчин. Поскольку в армии находилось менее 0,6 млн. женщин (всех возрастов), и они не ходили в штыковые атаки, ясно, что абсолютное большинство из 1,2 млн. "исчезнувших" молодых женщин погибли от вражеского террора, голода, холода, разрухи и т.п. И от тех же причин погибли, по всей вероятности, едва ли меньшее (чем женщин) количество мужчин того же возраста. Ведь в силу самой биологической природы мужчин они в экстремальных ситуациях значительно менее выносливы, чем женщины. Я убедился в этом еще в юном возрасте, в конце войны, когда узнал о том, что из моих многочисленных ленинградских родственников в годы блокады погибли *почти все*

мужчины, а женщины, напротив, в большинстве своем выжили. Особенно важно отметить, что речь идет о мужчинах, не находившихся в *армии*; даже те, кто сражались на рубежах блокированного Ленинграда, получали намного большее количество продовольствия, чем гражданские лица в самом городе, и гибель для них была менее вероятной...

Определенная часть "исчезнувших" молодых мужчин оказалась в эмиграции, куда, как уже сказано, ушли 5,5 млн. человек, и естественно полагать, что доля именно молодых мужчин была среди них немалой.

Наконец, в число "исчезнувших" мужчин входят люди особенной "категории", которую редко учитывают при выяснении потерь, - *гражданские* лица, оказавшиеся на оккупированных территориях, объявленные врагом *военнопленными* и заключенные в соответствующие лагеря. Сколько было таких жертв врага, трудно или вообще невозможно установить, но ясно, что дело идет о миллионах...

Эти люди разделили страшную судьбу военнопленных, которые по сути дела попросту уничтожались врагом... Нередко можно прочесть, что в этом, мол, виноват опять-таки Сталин, не подписавший в 1929 году Женевскую конвенцию о военнопленных. Эта версия давно и убедительно опровергнута, но тем не менее доверчивым читателям продолжают внушать, что в уничтожении миллионов действительных и мнимых военнопленных виноваты-де не враги, а свои...

Нелепо уже само предположение о том, что Германия была готова соблюдать по отношению к нам какие-либо "принципы"; хотя бы уже из одного факта превращения в военнопленных гражданских лиц ясно: никакие "нормы" враг не соблюдал.

Вот, например, фрагмент дошедшего до нас предельно четкого приказа от 11 мая 1943 года по 2-ой германской танковой армии (до декабря 1941 года ею командовал знаменитый Гудериан, снятый со своего поста за от-

ступление под Москвой):

“При занятии отдельных населенных пунктов нужно немедленно и внезапно захватывать имеющихся мужчин в возрасте от 15 до 65 лет, если они могут быть причислены к способным носить оружие... объявить, что они впредь будут считаться военнопленными и что при малейшей попытке к бегству будут расстреливаться”.

Судьба военнопленных и тех, кого неправомерно объявили военнопленными, была настолько чудовищной, что даже некоторые *германские* руководители различных рангов пытались изменить положение, - разумеется, не из “гуманности”, а по прагматическим соображениям. Так, уже на девятнадцатый день войны, 10 июля 1941 года, чиновник министерства по делам восточных территорий Дорш, пораженный увиденным, докладывал из захваченного врагом еще 28 июня Минска своему патрону Розенбергу:

“В лагере для военнопленных в Минске, расположенном на территории размером с площадь Вильгельмплац,⁵ находится приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных. Заключенные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят... живут по 6-8 дней без пищи, в состоянии вызванной голодом животной апатии...” Между тем, продолжал Дорш, “огромную работу в тылу фронта невозможно выполнить только с помощью немецкой рабочей силы, а, во-вторых... изо дня в день возрастает угроза эпидемии...” (этими соображениями и продиктована “забота” о пленных).

Позднее, 28 февраля 1942 года, уже и сам Розенберг писал начальнику штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Кейтелю:

“Война на Востоке еще не закончена и от обращения с военнопленными в значительной мере зависит желание сражающихся красноармейцев перейти на нашу сторону... Это цель пока не достигнута. Напротив, судьба советс-

ких военнопленных в Германии стала трагедией огромного масштаба. Из 3,6 млн. (сюда, без сомнения, причислены и захваченные к тому времени гражданские лица. - В.К.) в настоящее время вполне работоспособны только несколько сот тысяч. Большая часть их умерла от голода или холода... во многих случаях, когда военнопленные не могли на марше идти вследствие голода и истощения, они расстреливались на глазах приходившего в ужас гражданского населения... В многочисленных лагерях вообще не позаботились о постройке помещений для военнопленных. В дождь и снег они находились под открытым небом. Им даже не давали инструмента, чтобы вырыть себе ямы или норы в земле... Можно было слышать рассуждения: «Чем больше пленных умрет, тем лучше для нас»...”

Тогда же, в феврале 1942-го, “Военно-экономический отдел” Верховного командования “сетовал” в официальном циркуляре: “Нынешние трудности с рабочей силой не возникли бы, если бы своевременно были бы введены в действие советские военнопленные. В нашем распоряжении находилось 3,9 млн. военнопленных (разумеется, вместе с гражданскими лицами. - В.К.), теперь их осталось всего 1,1 млн. Только в декабре 1941 г. погибли полмиллиона...”

Но все подобные возражения ничего не могли изменить, так как армия была с самого начала нацелена не только на захват страны, но и на уничтожение ее жизненной силы и, значит, прежде всего на уничтожение тех, кто способен носить оружие.

Начальник армейской разведки и контрразведки Германии адмирал Канарис еще 15 сентября 1941 года писал о “вредных последствиях” того “обращения с военнопленными”, которое господствует в германской армии и которое он определял так: “...военная служба для советских граждан отнюдь не рассматривается как выполнение воинского долга, а... характеризуется в общем и целом как преступ-

ление. Тем самым отрицается применение военно-правовых норм". И благодаря этому, предупреждал Канарис, "облегчается мобилизация и сплочение всех внутренних сил сопротивления России в единую враждебную массу".

Однако подобные предупреждения оставались втуне. В основе действий вражеской армии лежало "геополитическое" убеждение, согласно которому война ведется против "азиатских недочеловеков". Даже 26 октября 1943 года, то есть уже после Курской битвы, начальник по делам военнопленных при Верховном командовании генерал Греневтц объявил в своем очередном приказе:

"Слабодушные, которые будут говорить о том, что при теперешнем положении надо обеспечить себе путем мягкого обращения "друзей" среди военнопленных, являются распространителями пораженческих настроений и за разложение боеспособности привлекаются к судебной ответственности".

В обращении с военнопленными, то есть на самом деле со всеми мужчинами призывного возраста, выражалось - пусть и в особо крайней форме - отношение к завоевываемой стране в целом. И, кстати сказать, преобладающее большинство "власовцев" и других согласившихся служить Германии людей "выбирали" этот путь, без сомнения, как "альтернативу" в высшей степени вероятной гибели в лагере военнопленных. Отмечу еще, что в свете вышеизложенного нынешнее стремление некоторых считающих себя "патриотами" лиц как-то связывать себя (хотя бы в одной только "символике") с германским рейхом предстает по меньшей мере как дикость...

16 июля 1941 года, когда враг, увы, уже захватил огромные территории СССР, Гитлер дал недвусмысленное "указание": "Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достичь путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд" (там же, с.56).

Два месяца спустя, 16 сентября,

начальник штаба Верховного главнокомандования Кейтель издал приказ, в котором выразил возмущение "мягкостью" армии и потребовал "немедленно принять самые суровые меры". "Следует учитывать, - объяснял генерал-фельдмаршал, - что на указанных территориях (СССР - В.К.) человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью", - например, 50-100 казненных "в качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата" ("Совершенно секретно!..", с.396).

И, как уже было показано, только примерно треть человеческих потерь в годы войны составили боевые потери армии.

Не приходится уже говорить о тотальном разрушении всех условий человеческого существования - от жилищ до электростанций, от заросших бурьяном и кустарником полей до развороченных с помощью спецсредств железнодорожных путей и т.д. и т.п. Стране был нанесен поистине беспрецедентный урон и ущерб...

* * *

Но вернемся к проблеме боевых потерь. Как уже сказано, тщательно работающий демограф С.Максудов доказывает, что наша армия потеряла менее 8 млн. человек, вместе с погибшими в плену, которых было (погибших), по его подсчетам, 1,2 млн. человек. Напомню, что С. Максудов делает поправку на естественную смертность военнослужащих (и в том числе пленных). Но в то же время он, как представляется, значительно преуменьшил количество военнослужащих, погибших в плену.

Согласно германским сведениям (которым нет оснований не доверять, поскольку речь идет о ведомственных отчетах, а не о какой-либо "пропаганде"), в плену погибли около 4 млн. человек, правда, значительная часть их не принадлежала к военнослужащим, но, по-видимому, 2 с лишним миллиона из них были пленными

солдатами и офицерами. И общее число потерь армии (вместе с погибшими в плену) составило от 8 до 9 млн. человек...

Конечно, это страшная цена победы, но тем прискорбнее читать сочинения, в которых и это число намного преувеличивают с помощью безосновательных и попросту несуразных "доводов". Такова, например, изданная в 1991 году книжка Бориса Соколова с ширококвещательным заглавием "Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном". Автор объявляет, что в 1941-1945 гг. погибли 14,7 млн. военнослужащих и "около 15 млн." гражданских лиц.

Один из главных "источников" первой цифры - некий полковник Калинин, похитивший какой-то сугубо секретный документ, перебежавший в 1949 году на Запад и на следующий год издавший там книгу "Советские маршалы имеют слово", - то есть предшественник нынешнего Резуна-"Суворова".

Но еще "замечательнее" другое. Б.Соколов пишет: "На 1 января 1941 г. население СССР насчитывало 196,6 млн. человек, а на начало 1946 г. - всего 167 млн. Чистая убыль населения составила за военные годы 29,6 млн. человек"¹⁴¹ (далее автор без особых "разысканий" делит эту убыль почти пополам - 14,7 млн. военнослужащих, "около 15 млн." гражданских лиц).

Существует своего рода закономерность: если за решение задачи берется не имеющий для этого никаких серьезных оснований автор, его "решение" как-то нелогично оказывается одновременно и *преувеличивающим*, и *преуменьшающим* реальные потери.

Б. Соколов совершенно непонятным образом ухитрился "забыть", что, во-первых, и в 1941-1945 гг. продолжали все же рождаться дети, и по вполне достоверным сведениям к 1946 году в стране имелось 13,3 млн. детей моложе 5 лет, а, значит (о чем уже говорилось выше), "убыль" населения за годы войны была намного больше - на 8,5 млн.(!), чем он утверждает: как ска-

зано выше, 38,1 (а не 29,6) млн. человек. А во-вторых, этот "исследователь" потерь "забыл" о том, что люди продолжали умирать в 1941-1945 годах своей смертью, и в силу тогдашнего уровня естественной смертности за пять лет должно было умереть (см, выше) минимум 12,7 млн. человек, и, следовательно, можно отнести к военным потерям не более 25,4 млн. к тому же 5,5 млн. из них не умерли, а эмигрировали.

Таким образом, "подсчет" Соколова поистине курьезен: он, как это ни нелепо, и преуменьшил человеческие потери на 8,5 млн., и преувеличил их на 9,7 млн.! Тем не менее подобная нелепица опубликована вроде бы солидным издательством...

Наиболее же возмутительна извлеченная Соколовым из этой нелепицы цифра погибших военнослужащих - 14,7 млн.: он тем самым "умертил" по меньшей мере 6 млн. наших солдат и офицеров... К сожалению, эта цифра присутствует и в изданной годом позднее Соколовского сочинения книжке профессиональных историков А.Н. Мерцалова и Л.А. Мерцаловой. Они сначала отвергают "сведения" из совсем уж смехотворных публикаций, вещающих "о 14-кратном превосходстве потерь РККА по сравнению с вермахтом... наиболее близкими к истине представляются сведения... - около 14 млн. погибших... Потери вермахта погибшими, по германским данным, составляют свыше 4 млн., в том числе на Восточном фронте - 2,8 млн. Соотношение - 5:1".

Итак, на каждого убитого вражеского военнослужащего приходится пятеро наших... Есть от чего прийти в отчаяние. Однако, во-первых, 14 млн. - это не имеющее никакой реальной аргументации число. Во-вторых, цифра потерь врага в 2,8 млн. - это только точно учтенные смерти, к которым необходимо добавить "без вести пропавших", но не оказавшихся в плену. В-третьих, на Восточном фронте воевали, помимо немцев, миллионы других европейцев.

И в тщательно подготовленном коллективном исследовании о потерях, изданном в 1995 году, потери врага, включая его союзников, на Восточном фронте исчислены на основе *итоговых германских подсчетов*, сделанных в мае 1945 года: это 4,3 млн. человек, считая и 0,6 млн. умерших в плену. То есть вовсе не в 5, а в 2 раза меньше, чем потери нашей армии.

При этом необходимо учитывать, что примерно *четверть* наших армейских потерь - это не павшие в бою и не умершие от полученных в бою ран, а уничтоженные врагом беспомощные военнопленные (не считая объявленных военнопленными гражданских лиц).

Итак, враг потерял в боях с нами 3,7 млн. военнослужащих - это не считая 0,6 млн. умерших в нашем плену, а наша армия (без погибших в плену) - 6,5 млн.; именно к этой цифре пришел тщательно работающий - и "независимый" - демограф С. Максудов.

Да, наших воинов погибло в боях в 1,7 раза больше, чем вражеских, и это объясняется главным образом более высоким уровнем выучки, дисциплины и технической оснащенности (которую обеспечивала промышленность всей Европы) армии врага.⁶

Что же касается фантастических цифр наших боевых потерь, о которых шла речь выше, они продиктованы экстремистской идеологической тенденциозностью. Вот, например, уже упомянутые А.Н. и Л.А. Мерцаловы, говоря о крайне небольших, в сравнении с нашими, потерях войск США и Великобритании, объясняют это "*сталинским руководством*" (то есть, если бы у нас было такое руководство, как в США и Великобритании, и потери бы были во много раз меньше).

Однако, как уже было показано, Великобритания и тем более США до июня 1944 года - то есть до последних 11 месяцев великой войны - фактически *не участвовали* в ней, - кроме локальных стычек на периферии этой войны.

Пресловутая стычка английских войск с итало-германскими при Эль-Аламейне определена в трактате Черчилля "Вторая мировая война" как "*великая битва*", но на этой же странице он сообщает: "Мы потеряли у Эль-Аламейна 10 тысяч человек за 12 дней" - и напоминает (это можно даже понять как скрытую иронию), что в Первую мировую войну, в июле 1916 года, "на Сомме (река в Северной Франции, - В.К.) за *первый же день* мы потеряли 60 тысяч".

А ведь Эль-Аламейн - самое "значительное" сражение до высадки "союзников" во Франции 6 июня 1944 года, то есть тогда, когда мощь германской армии была уже несравнима с ее мощью 1941-1943 годов, - не говоря уже о том, что на Восточном фронте Германия воевала с гораздо большими усилиями, чем на Западном, и во второй половине 1944 - первой трети 1945-го.

Поэтому вообще нет никакого смысла сравнивать количество наших боевых потерь с потерями Великобритании и США.

И последнее. Поскольку война против нас в 1941-1945 годах была направлена не только (и даже не столько!) на захват территории, но и на *уничтожение* (о чем, между прочим, намекнул даже *пленный* германский офицер, о котором рассказала Елена Ржевская) гибель гражданских лиц совместно с гибелью пленных в два с лишним раза (!) превысила боевые потери армии - 6,5 млн. и 13,4 млн. Можно даже утверждать, что люди, находившиеся в армии, в воинском отрою, были более "защищены" от гибели, чем те, кто находились под игом врага..

Поэтому общий урон, нанесенный стране, был чрезвычайно, трагически тяжким.

Но, сознавая все это, не следует в то же время полагать (как многим ныне свойственно), что только наша страна понесла в годы войны громадные людские потери. Как уже показано, жертвами войны можно считать

19,9 млн. наших соотечественников. Конечно, цифра колоссальна. Однако демографы Запада подсчитали, что в результате "войны на уничтожение" население их стран (в целом, включая Германию и ее союзников) потеряло 17,9 млн. человек (см. переведенный на русский язык сборник исследований: Итоги Второй мировой войны. М., 1957, с.601), то есть в абсолютных цифрах не намного меньше, чем население СССР, хотя доля погибших относительно общего предвоенного количества людей у нас (195 млн.) и в странах Европы (300 млн.), конечно, значительно больше. Но это обусловлено силой нашего сопротивления врагу и тем, что фактически именно нам принадлежит Победа над ним, о чем еще пойдет речь далее.

* * *

Как уже говорилось, с середины 1940-х до середины 1980-х годов наша историография войны во многом "лакировала" ход событий - особенно событий 1941-1942 годов, - а кроме того подвергала резкой критике зарубежных историков, предлагавших иную картину. Но к концу 1980-х множество авторов (очень значительная часть которых ранее публиковала вполне "официозные" сочинения) занялось не только всяческим очернением первых военных лет, но и *умалением* побед 1943-1945 годов. Широко издаются в последнее десятилетие на русском языке и сочинения зарубежных авторов, каковых нередко безудержно восхваляют за то, что-де благодаря им мы, наконец, сможем узнать и понять нашу собственную историю...

Приведу один, но весьма многозначительный пример. В изданном в Москве в 1992 году сочинении Н. Верта (в 1990-м оно было издано в Париже) "История Советского государства" утверждается следующее: "В конце 1943 г., после произошедшего под Курском перелома на советско-германском фронте, высадки англо-американского десанта в Италии и свержения режима Муссолини, нача-

лось радикальное изменение политической и военной обстановки в мире. Теперь... победа стала реальной перспективой".

Итак, под Курском произошел перелом на советско-германском фронте (а не перелом в ходе войны в целом), к которому по меньшей мере приравнивается - по своему значению - высадка десанта "союзников" в Италии, приведшая, мол, к победе над фашизмом в этой стране. Стоит сразу же напомнить, что итальянского диктатора свергло 25 июля 1943 года его собственное окружение, решившее, что после краха Германии под Курском самым разумным будет порвать отношения с Гитлером, - с чем не соглашался Муссолини. Но всего лишь через два месяца, 23 сентября, Муссолини вернулся к власти с помощью германских войск и правил - хотя и под их эгидой - более, полутора лет, до 27 апреля 1945 (!) года. Н. Верт умалчивает об этом явно для того, чтобы преувеличить последствия "высадки англо-американского десанта в Италии".

Я обратился именно к сочинению Н. Верта далеко не случайно. Автор предисловия к его изданию на русском языке выразил надежду, что "книга Н. Верта станет таким же незаурядным событием... каким была... книга его отца Александра Верта «Россия в войне 1941-1945 гг.», до сих пор остающаяся одной из лучших... книг о минувшей войне" (с.4).

Отец Н. Верта, блестящий журналист, пробыл в России все военные годы, нередко находился вблизи фронта, и книге его действительно присущи честность и объективность. И он недвусмысленно писал в этой изданной в 1964 году книге, что "выиграв Курскую битву, СССР фактически выиграл войну... Сталинград был поворотным пунктом в политико-психологическом плане, а поражение немцев под Курском и Белгородом - поворотным пунктом с чисто военной стороны..." Между тем "в чисто военном отношении значение итальянской ком-

пании (англо-американской. - В.К.) было ничтожным" (!). Кстати сказать, выше уже цитировался секретный доклад военного министра США Стимсона (в августе 1943-го) Рузвельту, в котором высадка "союзников" в Италии определена как "булавочный укол". И, "приравнивая" Курскую битву к этой высадке, Н. Верт предал, таким образом, не только истину, но и своего родного отца Александра Верта... Тем более нельзя без возмущения и презрения читать уже цитированное "туземное" предисловие к "рекомендованному Комитетом по высшей школе Миннауки России в качестве учебного пособия" сочинению Н. Верта, - предисловие, в коем, в частности, прямо-таки лакейски заявлено, что сие сочинение - "бесспорно наиболее основательное изложение отечественной (!) истории XX века" (с.3)...

Высадка в Италии имела бы существенный смысл, если бы "союзники" уничтожили находившиеся там германские войска или хотя бы изгнали их с итальянской территории и двинулись дальше, к Германии. Однако германские войска в Италии капитулировали лишь 29 апреля 1945 (!) года и вовсе не из-за победоносности "союзников", а потому, что четырьмя днями ранее, 25 апреля, войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов замкнули кольцо окружения вокруг Берлина...

Между прочим, британский историк Лиддел Гарт обоснованно сделал в свое время следующий вывод: "Результаты вторжения в Италию были весьма плачевными. За четыре месяца союзные войска продвинулись только на 70 миль" (112 км, т. е. продвижение на 0,9 км в день...). И, по мнению историка, "главная причина заключалась в порочности самой доктрины ведения войны, в которой господствовал принцип, характерный для осторожного банкира: «Ни шагу вперед без гарантии успеха»..." Однако, как было показано выше, дело обстояло сложнее: "союзники" стремились к "гарантии успеха" не в войне с

Германией, а в *общем итоге* войны. И по меньшей мере со времени Курской битвы "смертельной угрозой" в глазах "союзников" являлась не Германия, а СССР-Россия. Соответствующие высказывания Черчилля приводились, но важно продемонстрировать и позицию США.

В недавнем основанном на тщательном анализе военно-политических документов (в том числе строго засекреченных ранее) исследовании американского историка войны Уоррена Кимболла показано, что уже после победы под Сталинградом руководство США "беспокоила" выявившаяся "возможность": "Красная Армия добьется такого перелома, что сумеет победить немцев еще до того, как англичане и американцы смогут перебросить свои войска в Западную Францию". И далее Кимболл - исходя опять-таки из документов того времени - пишет, что "после битвы под Курском... стало ясно, что советские войска в состоянии победить Германию *и в одиночку*" (с.363). И именно тогда, в августе 1943-го, было принято *реальное* (а не дипломатически-пропагандистское) решение о создании "второго фронта", истинная цель которого заключалась не в разгроме германской армии (ведь он уже по сути дела совершился под Курском), а в том, чтобы пресечь или хотя бы существенно ограничить вторжение России в Европу.

О том, что дело обстояло именно так, свидетельствует, например, "Меморандум 121", составленный Управлением стратегических служб (УСС, позднее преобразованное в ЦРУ) США в конце августа 1943 года, то есть после Курской битвы. Директор УСС (в будущем - первый директор ЦРУ) генерал Donovan представил этот "Меморандум" (кстати сказать, рассекреченный только в 1978 году!) в качестве программы действий вооруженных сил "союзников" в Европе. И вот как обосновывалась в этой программе "гарантия успеха" вторжения во Францию:

"Расстояние от предполагаемого

западноевропейского фронта до Центральной Германии, короче, а транспортные условия лучше, чем от Западной России до Центральной Германии. К тому же западные союзники имеют заметное превосходство над Россией (именно над Россией! - В.К.) в воздухе".

Сама "постановка вопроса" недвусмысленно говорит о том, что действительная цель "второго фронта" заключалась не в разгроме Германии, а в "недопущении" России в "Центральную Германию" и, конечно, Европу в целом.

Но разработчики программы, рассуждая о более коротком расстоянии и лучших дорогах, ошиблись, ибо боеспособность огромных (2,8 млн. человек) войск, вторгшихся, начиная с 6 июня 1944 года, во Францию, была весьма и весьма - если не сказать крайне - низкой. Так, только через четыре с половиной месяца - 19 с половиной недель - эти войска смогли, пройдя 550 км, достичь Германии (то есть средняя скорость движения - 4 км в день). Между тем наши войска, начав вскоре после вторжения "союзников" во Францию, 23 июня 1944 года, широкое наступление от восточной границы Белоруссии, 28 июля уже достигли Вислы около Варшавы!

Германский историк Пауль Карелл писал об этом наступлении наших войск: "За пять недель (выделено мной. - В.К.) они прошли с боями 700 километров (то есть 20 км за день! - В.К.) - темпы наступления советских войск превышали темпы продвижения танковых групп Гудериана и Гота по маршруту Брест - Смоленск - Ельня во время "блицкрига" летом 1941 года... К концу июля 1944 года линия фронта проходила у границ Восточной Пруссии и по Висле... "На Берлин!" - смеясь, кричали советские солдаты. Поднимался занавес перед последним актом войны".

Стоило бы, конечно, привести еще и сведения о том, что германские вооруженные силы на Востоке в несколько раз превосходили те, с которыми

сталкивались "союзники" на Западе, но в принципе эта сторона дела широко известна, и я не буду перегружать свое сочинение цифрами (которых в нем и так немало).

К тому же важнее сказать о другом. В октябре 1944 года "союзники", достигнув границы Германии, встретили здесь намного более сильное и упорное сопротивление, чем ранее, и в течение двух месяцев почти не двигались вперед, а 16 декабря германские войска неожиданно начали контрнаступление - так называемую Арденнскую операцию - и сумели отбросить "союзников" на 90 км к западу. Напомню, что на *нашем* фронте германская армия не имела возможности наступать уже *полтора года* - со времени Курской битвы. Как констатировал генерал Гудериан, с августа 1943 года на Восточном фронте "немецкая армия постоянно отступала".

В результате германского удара "союзники" оказались в самом критическом положении. Лиддел Гарт в трактате "История Второй мировой войны" сообщал, что германское наступление "вызвало сильнейшую панику"; о том же писал в своей "Второй мировой войне" Алан Тейлор: "...что-то вроде паники возникло на стороне союзников. В штабах за сотни миль (!) от линии фронта прекращали работу, готовясь к эвакуации...". К концу декабря "союзники" вроде бы собрались с силами, но 1 января 1945-го германские войска нанесли им новый удар южнее Арденн - в районе Страсбурга.

И 6 января Черчилль вынужден был обратиться со своего рода покорнейшей просьбой к Сталину: "На западе идут очень тяжелые бои... можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января..."

Эта просьба, казалось бы, была совершенно нелогична; выше приводились высказывания Черчилля, из которых явствует, что он более всего был озабочен "стремительным продвижением" России на Запад, - и вдруг

он просит именно о таком “продвижении”! Но поскольку в штабах “союзников”, находившихся “за сотни миль от линии фронта”, готовились к эвакуации, неожиданный поступок Черчилля вполне можно понять: он опасался - и, надо думать, не без оснований, - что германское контрнаступление способно вынудить “союзников” убраться назад через Ла-Манш в Великобританию. А если бы это произошло, “союзники” вообще утратили бы возможность помешать России занять Европу... И Черчилль, прося Сталина о наступлении, в сущности, выбирал меньшее из двух зол: новый мощный русский удар, полагал он, окончательно ослабит Германию, и “союзники” смогут удержаться на достигнутых рубежах, а затем двинуться к востоку. И Черчилль, надо признать, считал правильно.

Сталин приказал начать широкое наступление уже 12 января, всего через пять дней после просьбы Черчилля. И, как вспоминал позднее начальник оперативного отдела штаба германского Западного фронта генерал-лейтенант Циммерман, после того как 12 января 1945-го “началось большое русское наступление, Верховное командование вынуждено было перебросить войска с Западного фронта на Восточный, причем это коснулось и группировки, сражавшейся в Арденнах, 6-я танковая армия СС (а это было наиболее боеспособное соединение. - В.К.) в полном составе была выведена из боя и направлена на восток”.

Правда, Сталин едва ли предпринял наступление ради помощи “союзникам”; он сам стремился (о чем еще пойдет речь) продвинуть войска достаточно далеко на Запад...

Но обратим внимание на поистине разительный контраст: с 12 января по 3 февраля 1945 года - всего за *три недели* - наши войска прошли 450 км (те же 20 км за день) от Вислы до Одера, в нескольких пунктах форсировали эту последнюю водную преграду и оказались всего в 60 км от Берлина! Между тем войска “союзников”

к 3 февраля еще не двинулись с места и только через четыре с половиной недели, 7 марта, пройдя несколько десятков километров, достигли Рейна, и от Берлина их отделяло не 60, а около 500 км... Уже хотя бы из этого ясно, кто был *победителем* в войне.

Важно сказать о том, что наше превосходство над “союзниками” не было только собственно военным; оно основывалось и на духовном превосходстве, выражавшемся в самых различных аспектах и явлениях. Вот своего рода символический факт, воссозданный в мемуарах маршала И.С. Конева.

5 мая 1945 года он встретился недалеко от Торгау на Эльбе с одним из главных военачальников армии США Омаром Бредли, и, помимо прочего, “предложил Бредли и его спутникам послушать концерт ансамбля песни и пляски 1-го Украинского фронта... там были по-настоящему отличные музыканты, певцы и танцоры... Генерал Бредли, сидя рядом со мной, заинтересованно расспрашивал, что это за ансамбль, откуда здесь, на фронте, эти артисты. Я сказал ему, что ансамбль состоит из наших солдат... Однако, как мне показалось, он отнесся к моему ответу без особого доверия. И зря, потому что большинство участников ансамбля действительно начали войну солдатами... А через несколько дней мне пришлось выехать с ответным визитом в ставку Бредли... В конце обеда два скрипача в американской военной форме, один постарше, другой помоложе, исполнили дуэтом несколько превосходных пьес. Скажу сразу, что высочайшему классу скрипичной игры... удивляться не приходится: этими двумя солдатами были знаменитый скрипач Яша Хейфец и его сын. В перерывах между номерами Бредли несколько иронически поглядывал на меня. Видимо... он так и не поверил мне при первой встрече, что наш ансамбль песни и пляски состоял из солдат 1-го Украинского фронта. Считая данный ему концерт маленьким подвохом, он в свою очередь ре-

шил прибегнуть к приятельской мистификации, представив Яшу Хейфеца с сыном как американских военнослужащих" (Конов И.С. Сорок пятый. М., 1966, с.222-226).

Нет никаких оснований сомневаться, что ансамбль 1-го Украинского фронта был набран, главным образом, из солдат. Но не менее существенно другое: Хейфец, как и очень многие виднейшие тогдашние музыканты США, родился в России и учился в Петербургской консерватории, в то время представлявшей собой, в частности, мировой центр скрипичного искусства... Таким образом, Бредли, стремясь "победить" своего соперника Конева, не мог сделать ничего иного, как только одеть в военную форму США скрипача, порожденного музыкальной культурой России.

* * *

Впрочем, сегодня многие ретивые авторы прямо-таки кричат, что наша победа достигнута слишком дорогой, страшной ценой, и потому она как бы и не победа... Но, во-первых, военная победа всегда бывает дорогой, а во-вторых, излюбленное многими авторами сравнение наших потерь с потерями "союзников" - потерями, которые при этом сравнении оказываются совершенно незначительными, - представляет собой результат незнания фактов или же прямой фальсификации. Потери "союзников" действительно были микроскопическими, но лишь до того момента, когда германские войска стали упорно сражаться с ними вблизи рубежей своей страны, то есть до октября 1944 года.

Когда приводят *общую* цифру потерь "союзников" в 1939-1945 годах, как бы "забывают" о том, что до 1944 года они в сущности *не воевали*. Между тем в "период после сентября 1944 года", писал добросовестный историк Лиддел Гарт, "союзные армии" (в них были вовлечены, помимо американцев и англичан, солдаты из других стран, главным образом из Франции) "потеряли в боях за освобождение Европы

500 тыс."⁷

Наша армия за это время (октябрь 1944-го - май 1945-го) потеряла (от всех причин, включая болезни, несчастные случаи и т.д.) 1 млн. 39 тыс. 204 человек.¹⁵⁶ Цифре этой можно полностью доверять - в отличие от цифр потерь в 1941-1942 годах, когда было не до учета...

Итак, наши потери в тот период, когда "союзники" действительно сражались с германской армией, только в два раза больше. И, если сопоставить *свершенное* за это время (октябрь 1944 - май 1945) нашими войсками и, с другой стороны, войсками "союзников", естественно прийти к выводу, что именно потери последних были *непомерно большими*. То есть очень дорого обошлось "союзникам" их стремление продвинуться возможно дальше на восток...

И последнее. 3 февраля 1945-го - именно в тот день, когда наши войска форсировали Одер и оказались всего в 60 км от Берлина, - началась Крымская (Ялтинская) конференция, на которой Рузвельт и - с особым сопротивлением - Черчилль *вынуждены* были согласиться по существу со всеми "требованиями" Сталина, относящимися к устройству послевоенного мира (впоследствии это, как уже сказано, назвали "предательством" интересов Запада).

В этом вынужденном согласии "предметно", неоспоримо выразилось признание СССР-России победительницей. Нельзя не добавить еще следующее: "союзники", о чем шла речь выше, сознавали, что, даже присоединив к себе германские войска, они не смогут победить своего соперника...

Впрочем, в связи с этим встают уже существеннейшие проблемы *послевоенной* истории.

- ¹ Цифра эта полностью достоверна, ибо, согласно надежной переписи 1959 года, то есть через еще 13 лет, были живы 140 млн. людей, родившихся до 1941 года.
- ² Более значительная (хотя и не намного) доля населения была утрачена только в катаклизме 1918-1922 годов: из 148 млн. населения начала 1918-го осталось к началу 1923-го лишь 118,5 млн. люден старше 5 лет, а 29,5 млн. исчезли - то есть 19,9%...
- ³ Стоит сообщить, что, например, в США смертность составляла в 1920-х годах именно 1,3%, а в 1930-х несколько меньше - 1,1% (Демографический энциклопедический словарь. М., 1985, с.419). Даже в 1980-х годах у нас умирало за год 1% населения.
- ⁴ Возможно, правда, что часть из этих людей, которые к 1946 году "должны" были умереть в силу естественной смертности, в тяжелых условиях войны ушли из жизни несколько раньше, чем это произошло бы в мирное время. Но так или иначе они "не могли" дожить до 1946 года...
- ⁵ Площадь в центре Берлина, занимающая около 30 тыс. кв. м (то есть на одного пленного приходилось немногим более 1/4 кв. метра).
- ⁶ Чтобы убедиться в превосходстве германского воинского мастерства, достаточно, полагаю, знать следующее. Наши наиболее "результативные" летчики-истребители, трижды герои Советского Союза И.Н. Кожедуб и А.И. Покрышкин сбивли (соответственно) 62 и 59 вражеских самолетов, а между тем в истребительной авиации врага имелись 34 летчика, сбивших более 150... ("корифей" - Эрих Хартман - сбил 352!). См.: Грибанов С. Заложники времени. М., 1992, с.207-208.
- ⁷ Простой расчет показывает, что, если бы "союзники" действительно *воевали* не с октября 1944-го, а с сентября 1939-го по май 1945 года, их потери составили бы 5,6 млн. человек.